

Игорь Ашотович Арзуманов

доктор культурологии, профессор
Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия),
e-mail: arsumanov@mail.ru

Людмила Васильевна Камедина

кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

Духовная культура и вопросы конфессиональной толерантности в трансасиатском контексте

Важными функциями духовных культур народов являются формирование и сохранение социокультурной целостности, трансляция духовных традиций, воспитание личности, защита её от деструктивных влияний, в том числе и религиозных. При защите народом своей духовной культуры государство призывает его к конфессиональной толерантности. Между тем навязываемые, чуждые народу религиозные инновации наносят значительный вред духовному здоровью нации, разрушают естественное гармоническое состояние личности, её духовный, психический и физический мир, входят в конфронтацию с духовными смыслами национальных культур. Внедрение в традиционную конфессиональную базу чуждых религиозных инноваций может касаться изменения национально образующих основ культурологического базиса социума и явиться фактором современной геополитики. Отсюда, как никогда, актуальны исследования региональных конфессиональных инноваций.

Ключевые слова: духовная культура, толерантность, религиозные инновации, геополитика.

Igor Ashotovich Arzumanov

Doctor of Culturology, professor,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia),
e-mail: arsumanov@mail.ru

Lyudmila Vasilievna Kamedina

Candidate of Philology, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

Spiritual Culture and Issues of Religious Tolerance in the Trans-Asian Context

The important functions of peoples' spiritual cultures are the formation and maintenance of socio-cultural integrity, transfer of spiritual traditions, upbringing of individuals, their protection from destructive influences, including religious ones. Protecting people's spiritual culture, the state encourages them to religious tolerance. Meanwhile, imposed, alien to the people religious innovations cause significant harm to the spiritual health of the nation, destroy the natural harmonious state of the personality, his spiritual, mental and physical world. They are in confrontation with the spiritual meanings of national cultures. The introduction of alien religious innovations into traditional confessions may deal with changes in the national foundations of the society's cultural basis and be a factor of modern geopolitics. Hence, more than ever, research on regional religious innovations is relevant.

Keywords: spiritual culture, tolerance, religious innovations, geopolitics.

Духовная культура в широком значении обозначает нематериальную культуру, которая включает в себя познавательную, художественную, правовую и др. В последнее время, в связи с вводом в образовательное пространство основ

религиозных культур, под духовной культурой часто понимают религиозную культуру. Культура отождествляется с религией, поэтому содержание понятия «духовная культура» часто ограничивается религиозной культурой. Ре-

лигия нуждается в материальных механизмах своей передачи и поэтому оправдывает культуру. Духовная культура оказывает влияние на нравственную, законодательную, творческую, бытовую и другие области жизни человека. Духовная культура может отождествляться с религией народа: например, у русских – православная, у узбеков – мусульманская, у бурят – буддийская культуры и т. д.

Словосочетание «духовная культура» не является понятием в строго научном смысле. Во-первых, понятие «культура» охватывает всю человеческую деятельность и не имеет определённого значения. Во-вторых, «духовность» – это свойство культуры, связанное с неуловимым для науки и поэтому не выразимое до конца на строго понятийном уровне. Христианская, мусульманская, буддийская культура – это всё суть духовная культура, это традиционная культура народов с включённым социальным опытом духовного освоения мира, передающимся от поколения к поколению как традиция и материализующимся в продуктах духовной деятельности – храмах, иконописи, песнопениях и пр. Духовная культура – идеальная культура, она несёт высший, вневременной идеал, способствует причастности человека национальному самосознанию, национальной системе ценностей. Функции духовных культур в формировании и сохранении социокультурной целостности, трансляции духовных традиций, воспитании личности, защиты её от разного рода деструктивных влияний, в том числе и религиозных. При защите народом своей духовной культуры государство призывает его к профессиональной толерантности, если, конечно, речь не идёт о навязываемых, чуждых народу религиозных инновациях или откровенном религиозном экстремизме.

В 2009 г. Российская Федерация приняла стратегию национальной безопасности до 2020 г. По-новому сформулированы государственные приоритеты – с опорой на национальные интересы, на сбережение России и её народа. При реализации стратегии национальной безопасности необходимо принимать во внимание и духовную безопасность РФ. Вопросы духовной безопасности решаются правовым институтом государства и институтом Церкви, роль которой в нашей стране в последние годы возрастает. Церковь призвана сохранять духовную культуру народа и бороться с тоталитарными сектами, которые наносят значительный

вред духовному здоровью нации. Например, благодаря усилиям Русской православной церкви некоторые зарубежные религиозные организации на территории нашей страны были запрещены законом в силу своей духовной агрессии и враждебности государству. Церковь никогда не находилась в стороне от жизни народа. Церковь пытается решать проблемы конкретной личности, приходящей в собор верующих, но она же пытается помочь и обществу как неизлечимо больному. Наступило «время Церкви» – это, как пишет В. А. Никитин, «вечное теперь», это «сакральное литургическое время», которое придаёт высший смысл человеческой деятельности и лежит в основе подлинной, духовной культуры [8, с. 26].

Целостность, единство и нерасчленённость церкви распространяется на целостность, единство и нерасчленённость духовно-культурного её наследия. Когда разрушаются корневые духовные ценности, попираются святыни и целенаправленно разрушается духовно-нравственный мир личности, тогда создаются условия духовной угрозы личности, обществу и государству в целом. Церковь благословляет на творчество, на созидание духовной культуры, считая это *благам* для общества и человека. Церковь вместе с государством осуществляет защиту традиционных духовных ценностей народа, сохранение и поддержание идей патриотизма и святости, образование и воспитание духовной личности.

В XXI в. человек оказался в культуре ложных или подменённых смыслов и ценностей. Эта дезориентация уводит от духовной целостности национальной культуры, её вековых традиций, связанных с религией народа. В. А. Никитин пишет о том, что в настоящее время и культура нуждается в защите от духа невежества, и личность нуждается в защите от ложных сектантских суеверий, духовных лжеучений, которые действуют на неё [8, с. 484]. Личность нуждается в духовной безопасности. Решать проблему духовной безопасности личности, по мнению А. И. Хвыли-Олинтера, нужно в сфере науки, культуры, церкви и государства [11]. В информационно-образовательном пространстве личность усваивает смыслы для своих секулярных потребностей, а в институте Церкви – для потребностей своей души, для пневматологии духа, для смысла жизни. Личность формирует свой культурный мир не только информационно-образовательными или социокультурными компонентами, но и сво-

им духовным опытом, который накапливается при освоении духовного смысла национальной культуры. Это требует выхода за пределы строго научных знаний в неклассические формы освоения духовной информации. Исследователь М. В. Силантьева рассматривает этот аспект на примере русской духовной культуры и православия. Важную роль должен сыграть христианский антропологизм, если, по мысли М. В. Силантьевой, подходить к нему без религиозного фанатизма [10], и культурология, которая выстраивает такое же отношение (без фанатизма) между культурой и церковью, которые «присваивают» человека себе.

Секулярный характер культуры уже не удовлетворяет личность, т. к. культура, лишённая духовного смысла, вырождается в бездушный эстетизм, который игнорирует вертикальную устремлённость личности к духу Творца, а не к духу другой, такой же личности, или к культуре, как таковой. Религия вносит в культуру свои знания о Боге, мире и человеке и предлагает свой опыт творчества, в котором человек, уподобляясь Творцу, духовно преображается. Культурное творчество должно стать средством духовного благовестия. Поэт, писатель и богослов Иоанн Сан-Францисский напоминает людям культуры: «Мы, люди, призваны наполнить мир благоуханным садом добрых творческих мыслей и чувств <...> В этом высшее осуществление цели жизни нас всех – Царство Божие <...> Культура есть труд человеческий, движимый любовью, она есть дочь любви и свободы <...> Истинная культура есть связь человека с Творцом и со всем миром. И эта связь называется религией» [5, с. 422–424]. Личность, не имеющая духовных знаний и духовного опыта, становится жертвой разного рода религиозных манипуляций, религиозных организаций и т. п. Человеку кажется, что религиозных истин много и что все они имеют общий религиозный источник и духовный смысл, человек отстраняется от обдумывания духовных проблем добра и зла, соглашается со злом и воспринимает его как неизбежное. Дух зла часто маскируется под дух добра, не отличается от него. Заблуждаясь, человек путает знания с суеверием, истину с ложью, любовь с корыстью. В таком духовном состоянии человек часто попадает под влияние религиозных инноваций деструктивного характера.

Деструктивные культы разрушительны по отношению к естественному гармоничному со-

стоянию личности, к её духовному, психическому и физическому миру. А. И. Хвыля-Олинтер, анализируя причины «нашествия деструктивных культов» в Россию, называет, прежде всего, «духовную опустошённость и неосведомлённость значительной части граждан» в области пневматологии культуры [11, с. 18]. С. Г. Карамурза в своих трудах предупреждает ещё и об умелом манипулировании сознанием российских граждан, зомбированием сознания, что в результате приводит к потере свободы выбора, рабству духа [7]. Средство спасения исследователь видит в освоении национальной духовной культуры и её смыслов. Например, он предлагает как можно чаще обращаться к русской классической литературе, «лечиться» ею от манипуляторов [7, с. 714–715].

Информированность о тоталитарных сектах и деструктивных религиозных инновациях является средством защиты. Такую информацию можно почерпнуть из книг А. Л. Дворкина [4], справочной литературы [9], изучения материалов региональных и международных научно-практических конференций (например, «Иннокентиевские чтения» в Чите, «Христианство на Дальнем Востоке» в Хабаровске, «Приморские образовательные чтения» во Владивостоке и др.), просмотра и обсуждения видеофильмов, использования интернет-ресурса. В этих изданиях содержится информация о появлении религиозных инноваций в соседних восточных странах: в Японии, Китае, Корее, Монголии.

В последнее десятилетие западные религиозные инновации устремились на Восток. Это, в первую очередь, выразилось в духовной экспансии в лице миссионеров и проповедников преимущественно постпротестантских деноминаций. Они используют желание восточной молодёжи изучать иностранные языки, проповедуя протестантизм в различных инновационных вариантах. Например, по сведению Секретаря Правительственного Совета по делам иностранных граждан при Минюсте Монголии Б. Доньжимбуу, за последние годы в Монголии наблюдается настоящая конфессиональная атака; только в Улан-Баторе действует 30 общин, сект под вывеской гуманитарного фонда, которые скупают недвижимость через подставных лиц; его сотрудники ездят по стране не только с евангелием, но и с аппаратурой для топосъёмки и гидрометеорологических наблюдений. Молодёжь активно вербует за границу, якобы, для обучения пасторскому делу, а

фактически наблюдается разрушение единства монгольского народа и его традиционной культуры. Секты входят в конфронтацию с духовными смыслами национальных культур. Это создаёт трудности для межнационального и межконфессионального диалога.

Поднимая вопрос о проблемах толерантности в религиозном контексте, мы непременно выйдем на уровень вероисповедной политики как одной из доминирующих идеологических подсистем. Идеология присуща человеческому обществу. Идеология предлагает разные общественно-исторические ценности. Утрата доминантных ценностей может явиться причиной геополитических трансформаций. Временная утрата ведёт к геополитической дезориентации, как это случилось в России в конце XX в.

При исследовании проблем религиозного пространства Восточной Сибири, определяется ряд непроработанных вопросов, связанных с либерально-демократической религиозной политикой, характерной для западной цивилизационной парадигмы; отсутствием государственной региональной религиозной политики, которая должна быть нацелена на признание Восточной Сибири межцивилизационным пограничьем со своими конфессиональными доминантами в социокультурном пространстве. Исследователи предлагают рассматривать социокультурный спектр вопросов, связанный с религиозным пространством вкупе с проблематикой государственной безопасности [3, с. 3–8]. Международные правовые институты декларируют «толерантность» в сфере прав человека как идеологическую доминанту.

Исторически утверждению конфессионального плюрализма способствовали Аугсбургский религиозный собор (1555 г.) и Нантский эдикт (1598 г.), но сам феномен толерантности появился с возникновением и становлением правового государства в Западной Европе. В длительном столкновении и сосуществовании светской и религиозной культуры происходит рождение толерантности в истории западных народов. В «Декларации принципов толерантности» 1995 г., подписанной в Париже 185 государствами, указывается и социокультурный аспект толерантности – это терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Эти характеристики способствуют стабильности и прогнозируемости межличностных и общественных взаимоотношений.

Толерантность требует определённого преодоления себя при сохранении своей самости. Конфликт «терпимость» – «нетерпимость» чаще всего возникает в конфессиональной сфере, в том числе и в многообразии религиозных культур. В период глобализационных изменений меняется исследование толерантности. С одной стороны, глобализация несёт потенциал сближения международных контактов, а с другой стороны, глобализационные процессы сопровождаются нарушением границ «предела толерантности» – возрастанием нетерпимости не только на локальном уровне, но и на уровне глобализационно-цивилизационном. В случае угрозы толерантности государство вмешивается в этноконфессиональные конфликты и регулирует их рядом выработанных правовых норм, законодательных актов. При этом как российские, так и международные правовые акты отмечают общерелигиозный аспект проблематики, связанный с нарушением толерантности в социокультурном пространстве. Понятийное определение угроз религиозной толерантности, как правило, ограничивается терминами «секта», «деструктивный культ», «тоталитарная религиозная организация» и увязывается с проблемой религиозного экстремизма. Внедрение в традиционную конфессиональную базу чуждых религиозных инноваций может касаться изменения национально образующих основ культурологического базиса социума и явиться фактором современной геополитики. Отсюда, как никогда, актуальны исследования региональных конфессиональных инноваций.

В Восточной Сибири и странах Азиатско-Тихоокеанского региона продолжается структурирование религиозных инноваций, деятельность которых носит трансазиатское направление, основная цель которых – Китай, Монголия и страны Юго-Восточной Азии. Плацдармом для «наступления» выбраны Россия, Монголия и Китай. Преимущественно, распространяются постпротестантские и неоориенталистские направления. Если в 1990-е гг. любые религиозные притязания были запрещены законодательством Монголии и Китая, то в 2000-х гг. происходит трансформация религиозного права в этих странах. «Тотальная либерализация» законов обусловлена политикой западных стран в Северо-Восточной Азии. На примере Монголии видно, что для оптимального режима работы американских и западноевропейских компаний было необходимо правовое обеспечение имид-

жевого сопровождения процессов внедрения на внутренний рынок страны. Адаптация монгольского права обеспечивается Национальным юридическим центром Монголии, созданным при финансовой и методологической поддержке правительства США. В Минюсте Монголии зарегистрировано 36 религиозных объединений только христианского направления. Например, активно работает Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны). В центре Улан-Батора построено двухэтажное современное здание администрации мормонов Монголии. Центр имеет систему приходов в наиболее развитых промышленных городах страны. Основное направление – социально-благотворительная деятельность, образовательные услуги, активная переводческая работа. Стратегическое направление – Центрально-Азиатский регион, Гонконг, Тайвань.

В Китае миссионерская деятельность мормонов затруднена положениями китайского законодательства. Китай ограничивает свободу религиозных обрядов заезжих миссионеров. В последние годы был закрыт ряд «подпольных» мечетей, храмов, семинарий, «домашних церквей», сорваны собрания, уничтожены места религиозных обрядов. Постпротестантские инновации исповедуют в основном иностранные рабочие и служащие, работающие в Китае. Сами китайцы предпочитают оставаться в сво-

их традиционных восточных духовных культурах, тем самым сохраняя национальный менталитет и национальную идентичность.

Таким образом, анализ цивилизационного аспекта толерантности показал, что разновекторность религиозных культур в их антроподоctrинальном окрасе геополитична. Важную роль в обеспечении толерантности играет государство. Оно способствует формированию религиозной толерантности в конфессиональном институте. Оформление ценностей гражданского общества сопрягается с ценностями мировых религий. В Восточной Сибири и Монголии продолжается структурирование религиозных инноваций, деятельность которых носит трансасиатское направление. Россия и Монголия – место аккультурации регионального социокультурного пространства западными духовными ценностями, чуждыми народам этого региона.

На современном этапе поисков общегосударственной национально образующей идеи встаёт вопрос о необходимости системного анализа религиозной проблематики в целях корреляции правовых аспектов толерантности адекватно природе происходящих в региональном конфессиональном пространстве процессов, информационно-аналитической обработке и научном осмыслении природы современных религиозных инноваций.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования: монография. Иркутск: ИГУ, 2006. 212 с.
2. Арзуманов И. А. Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 190 с.
3. Бобков А. И., Шелепинь Д. В. Религиозная безопасность Восточно-Сибирского региона в контексте государственной безопасности // Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики РФ: региональное правотворчество и правоприменение: материалы всеросс. науч.-практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2004. С. 3–8.
4. Дворкин А. Л. Сектоведение. Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя князя Александра Невского, 2002. 816 с.
5. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. Петрозаводск: Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. 575 с.
6. Камедина Л. В. Феномен духовного смысла в русской культуре. М.: Русаки, 2011. 198 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 736 с.
8. Никитин В. А. Основы православной культуры. М.: Дом надежды, 2009. 560 с.
9. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник. Белгород: Миссионерский отдел Московского Патриархата РПЦ, 1997. 475 с.
10. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 10. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2009. С. 196–206.
11. Хвыля-Олинтер А. И. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. М.: Дарь, 2008. 640 с.

Статья поступила в редакцию 05.02.2012 г.